

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И МИРА:
ВЗГЛЯД СТО ЛЕТ СПУСТЯ**

Авторы доклада:

**Василий Жарков, Андрей Захаров,
Андрей Рябов, Марк Симон**

*Под редакцией Андрея Захарова,
Ольги Здравомысловой, Андрея Рябова*

Содержание:

Введение	2
Неоднозначные итоги и внутренние противоречия революции 1917 года	3
Революция как рождение нового политического и социального Проекта	9
Наследие революции 1917 года: секуляризация и просвещение	13
Наследие революции 1917 года: эмансипация и социальное творчество	18
Наследие революции 1917 года: влияние на мир	23
Революция как «точка сборки» для политического курса	30
Вместо резюме	33

Введение

В мировой истории не так много событий, подобных Русской революции, роль и значение которых не только вызывают противоречивые и зачастую противоположные оценки, но до сих пор используются в борьбе разных политических сил и идеологий. Для этого есть веские основания. Революция 1917 года провозгласила своей целью освобождение людей от гнета самодержавной власти и отношений неравенства, однако в результате ее возникло советское тоталитарное государство, подавлявшее личность и ее права, враждебное самой идее свободы. Советские люди получили массовый доступ к образованию, современным знаниям, но при этом запрещалась любая не санкционированная сверху гражданская инициатива, и жестоко преследовалось инакомыслие.

Не менее противоречивым было международное влияние революции и Советского проекта. Перед лицом этого вызова капиталистический мир начал меняться, был вынужден более широко учитывать интересы и запросы массовых слоев населения. Пример и поддержка со стороны Советского Союза стали мощным стимулом для народов колониальных и полуколониальных стран в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Но советская социально-экономическая система, в конечном счете, оказалась неконкурентоспособной: она не смогла обеспечить поступательный социальный и научно-технический прогресс и потерпела поражение в историческом соревновании с мировым капитализмом.

Хотя констатация этих очевидных противоречий многих заставляет усомниться в том, можно ли рассматривать Русскую революцию 1917 года как целостный феномен мировой истории, задача постижения смысла, последствий и уроков революции не теряет своего значения и

актуальности.

Чем же она была - неудачной, тупиковой попыткой улучшить человеческое общество или перспективным Проектом, цели и способы реализации которого не были до конца ясны самим его инициаторам и лидерам? Какие исторические результаты и следствия Русской революции продолжают и сегодня оказывать влияние на Россию и мир, а что навсегда осталось в ушедшем XX столетии?

Сложность этих вопросов для наших современников не в последнюю очередь связана с тем, что восприятие Русской революции 1917 года, как среди политиков, так и в массовом сознании, до сих пор находится под сильным влиянием господствовавших в советскую эпоху представлений. В соответствии с ними считалось, что революция открыла России неограниченные возможности развития, обеспечила ей перспективу превращения в ведущую державу мира - кардинальным образом изменила основы человеческой цивилизации и направление ее дальнейшей эволюции.

Неоднозначные итоги и внутренние противоречия революции 1917 года

Россия вступила в капиталистическую эпоху примерно тогда же, когда и другие европейские государства. Однако ее относительная географическая удаленность от ядра развития капитализма и наличие значительных внутренних ресурсов долгое время позволяли сохранять сложившуюся военно-феодальную структуру, которая сдерживала капиталистическую трансформацию экономики и модернизацию государства. Это предопределило простой - «охранительный» - ответ на внешние вызовы. На европейские революции русская монархия отвечала «закручиванием гаек» внутри страны. Периодически властями

инициировались «реформы сверху», но столь же периодически, как только становилось ясно, что реформирование невозможно без изменения наличного внутреннего политико-правового и социального порядка, происходило очередное «подмораживание» сложившейся системы. Так, на протяжении более чем столетия, предшествовавшего революции, русские охранители всегда брали верх над системными либералами-реформаторами и фактически заблокировали эволюционный путь развития страны в направлении социально-экономической и политической модернизации.

Между тем, в недрах Империи и на уровне общества, по меньшей мере, начиная с Александра Герцена, вызревал другой ответ, сочетавший в себе идею «особого пути» и идею социализма. Он воплотился в идеологии и практике революционного движения, в становлении и развитии которого важнейшую роль сыграла русская интеллигенция. В условиях жесткого противостояния российского абсолютистского государства любым попыткам системных социально-политических изменений именно революционное движение стало претендовать на роль главного субъекта назревших перемен. Это, в значительной мере, приблизило перспективу революции.

К 1917 году, прежде всего, из-за Первой мировой войны царская Россия была поставлена в трудную, по сути, тупиковую ситуацию. Продолжение военных действий грозило внутренней катастрофой, а выход из войны означал потерю статуса участника «концерта великих держав». Не справившись с грузом военных поражений и не сумев противостоять нарастающему давлению со стороны оппозиционных либеральных кругов и забастовочного движения рабочих, монархия Романовых рухнула в феврале 1917 года.

Но Русская революция произошла в стране со слабой экономикой и неразвитыми гражданскими институтами, почти не имевшей опыта

демократии и сотрудничества классов, в обществе с сильнейшим социальным и культурным расслоением, где даже в среде интеллигенции, как писали еще авторы сборника «Вехи», идеи Просвещения были усвоены поверхностно и неполно. Горячо восприняв просвещенческие идеи прогрессизма и универсализма, русская интеллигенция увлеклась, главным образом, вольтеровской линией в этом мощном идейно-философском течении, отводившей первейшее место в деле улучшения социального порядка - формированию Нового Человека. При этом другой традиции Просвещения, делавшей упор на развитии институтов и концепции естественных прав человека, не уделялось должного внимания.

Если европейские общества шли по пути постепенного совершенствования конкурентных систем капитализма в своих странах, то в преимущественно аграрной и военно-феодальной России представители европеизированных слоев вынашивали идеи разрушения «до основания» с последующей реализацией абстрактных планов построения справедливого общества, отличного, как от царизма, так и западных либеральных демократий. Это во многом предопределило характерное для российской политической культуры сочетание утопизма и радикализма, определившее дух Русской революции 1917 года.

Хотя в постсоветской России распространена точка зрения, согласно которой после свержения царской монархии перед страной открылось множество альтернатив, а победа большевиков явилась результатом почти случайного совпадения многих факторов. *В реальности коридор возможностей на пути от Февраля к Октябрю 1917 года не был широк. Для реализации либерально-демократической и тем более социал-демократической повестки в стране не существовало ни институциональных условий, ни культурных оснований, ни сформировавшихся политических сил.*

Представители правящего класса Российской империи ни в период с Февраля по Октябрь 1917 года, ни позже, в годы гражданской войны, не смогли выработать адекватный ответ на проблемы, вызвавшие революцию. Они были тесно связаны с государственной машиной империи Романовых и не имели опыта самостоятельного управления страной. Лишившись опоры на монархию с ее огромным бюрократическим аппаратом, они не сумели выработать новых, привлекательных для большей части общества политических идей и не обладали способностью к социальным компромиссам.

К началу революции в стране не было ни одной социальной группы или класса, включая и промышленный пролетариат, которые были бы заинтересованы в утверждении политического порядка, основанного на уравниловке, административном принуждении и огосударствлении собственности. Среди массовых слоев российского общества доминировал запрос на глубокие социальные реформы – прежде всего, в сфере аграрных и трудовых отношений, включая, например, наделение землей крестьян и введение восьмичасового рабочего дня для рабочих. Для образованных слоев населения приоритетное значение имел переход к парламентскому строю и разделению властей. Таким образом, существовал запрос на демократический, социально ориентированный капитализм. В этом смысле Россия ничем не отличалась от других стран Европы, где также вспыхнули революционные события - таких, как Германия, Финляндия, Венгрия, Словакия. Но революция в России оказалась восприимчивой к большевизму. Это стало возможным благодаря комплексу причин, подробно проанализированному в историографии.

Февральская Революция 1917 года разрушила прежний государственный аппарат и в течение нескольких месяцев привела к параличу управления страной. Россия, по существу, не имела никакого

опыта демократического развития, в результате чего массы стали воспринимать появившуюся свободу как вседозволенность. И, наконец, огромную роль в социальной и политической жизни страны, несравнимую с другими воюющими государствами, стали играть люмпенизированные слои населения, выбитые из привычных социальных ниш и отношений. Они-то и составили массовую базу для реализации большевистского Проекта казавшегося многим авантюрой. Именно благодаря этим обстоятельствам большевистская партия пришла к власти. Захват и удержание власти в такой обстановке были уже делом политической техники и технологий. Успешное решение этих задач большевиками было обусловлено в первую очередь тем, что искусством политической тактики в совершенстве обладали их лидеры, существенно превосходившие конкурентов в организации, умении говорить с массами и манипулировать ими.

Большевикам удалось умело использовать приобретшие огромную популярность политические лозунги – требования мира и скорейшего проведения земельной реформы, которая наделила бы землей десятки миллионов крестьян. На короткой дистанции от Февраля к Октябрю вопрос о немедленном мире «без аннексий и контрибуций» не просто вошел в российскую политическую повестку, но стал едва ли не главным требованием масс. Что касается вопроса о земле, то он был ключевой проблемой внутривнутриполитического развития страны, начиная с крестьянской реформы 1861 года. Монополизация большевиками популярных лозунгов лишила Временное правительство массовой поддержки и облегчила захват власти большевиками в Октябре.

Мощная социальная динамика, которую вызвала Революция, вывела на передний план неграмотную массу аграрного населения. Превращение ее в реального политического и социального актора существенно снижало модернизационный потенциал изменений,

вызванных революцией.

Важнейшей целью, которую провозгласили большевики, придя к власти, было построение общества свободы и социального равенства. Однако по мере того, как складывалась мобилизационная модель административно-распределительного социализма эти идеалы заменялись установками на полное подчинение граждан страны воле правящей партии и тоталитарного государства. Отчасти это и предопределило неудачу в реализации стратегии большевиков, направленной на формирование Нового Человека, строителя коммунистического общества. Хотя следует признать, что эта цель по определению была нереализуемой. *В рамках утвердившейся общественной модели вместо прежнего сословного неравенства, возник новый тип социального неравенства – между управляющим меньшинством и управляемым большинством.*

Другой целью большевистского Проекта было достижение всеобщей грамотности и создание в России, позднее в Советском Союзе, городского индустриального общества.

В ходе строительства социализма «во враждебном окружении» к этому добавилась еще одна цель: превращение СССР в мощную в военном отношении державу, обладающую передовой оборонной промышленностью. Обе эти цели были, в основном, реализованы. К середине 1950-х годов в Советском Союзе, действительно, удалось построить урбанистическое индустриальное общество. Благодаря большому вниманию, которое отводилось приращению естественнонаучных знаний и массовому образованию, *в СССР был накоплен значительный человеческий капитал, необходимый для перехода к следующему, постиндустриальному этапу развития общества. Однако в рамках советской антидемократической политической модели такой переход оказался невозможным.*

Таким образом, в силу фундаментальных причин преобразовательные возможности Русской революции 1917 года носили ограниченный характер. Ограниченность была обусловлена периферийным характером Российской империи, дефицитом имеющихся у нее ресурсов для модернизации. Это предопределило как противоречивость дальнейшего политического развития Советской России, так и последствий Русской революции для мира в целом.

Революция как рождение нового политического и социального Проекта

Наследуя революциям Нового времени, Русская революция несла в себе пафос радикального разрыва с прошлым в сочетании с идеей публичной свободы. «Свобода» в данном случае означает не просто освобождение от тех или иных форм угнетения, но, главным образом, учреждение принципиально новой формы правления – устройство публичной сферы. Именно это делало «революционными» проекты различных политических сил, принимавших участие как февральских, так и октябрьских событиях. История Русской революции, какие бы хронологические рамки ни были заданы этому явлению, в значительной степени, представляет собой соперничество таких проектов, каждый из которых очерчивал собственный горизонт социальной утопии. Впрочем, и большевистский проект первоначально не был гомогенным: дискуссии относительно путей переустройства тех или иных сфер жизни общества не прекращались до начала 1930-х годов, когда они были насильственным образом прекращены Сталиным.

Осознание возможности разорвать с устаревшей традицией и обрести чувство подлинной новизны – важная черта революций модерна. Учитывая это, представление о революции как об исторически

детерминированном «переходе» от «архаики» к «современности» выступает очевидным упрощением. Поэтому целесообразно рассматривать ход Русской революции как комбинацию скорее дискретных, чем непрерывных, процессов, событий и дискурсов, не отрицая при этом их взаимосвязанности, а также имея в виду структурные политико-экономические факторы, способствовавшие усилению одних тенденций и подавлению других.

В политическом плане к началу 1917 года в России не существовало единого революционного проекта. Различные политические силы по-разному представляли путь, который должна была открыть надвигавшаяся революция. С точки зрения либералов, ее задачей было утверждение парламентского строя с ответственным правительством и установление равенства граждан перед законом вне зависимости от их происхождения, социального статуса и имущественного положения. Все это должно было способствовать интеграции в сообщество передовых западных государств, с которыми Россия находилась в одной военной коалиции в годы Первой мировой войны. Социалистические партии – меньшевики и эсеры – рассматривали приближавшуюся революцию как точку отсчета для глубоких социальных и демократических реформ, осуществление которых, как им представлялось, создавало почву для движения страны в направлении социализма. Крайне левые – максималисты и анархисты – видели в революции возможность для реализации утопий «трудовой республики», или русского воплощения идеи самоуправляющегося социализма и федерации анархистских коммун.

Большевистский (ленинский) Проект нового общества, как он сложился к 1917 году, выглядел весьма эклектичным. Тем не менее, большевики были единственной среди европейских социал-демократов партией, которая в качестве важнейшей практической задачи ставила

создание государства диктатуры пролетариата. У европейских социалистов подобные требования существовали в партийных программах, но нигде не рассматривались в качестве ближайших целей практической политики. У народников большевики позаимствовали идею авангардной партии, ведущей рабочих к победе социалистической революции и от их имени управляющей новым обществом. Но самое главное заключалось в том, что, *большевики рассматривали надвигающуюся Русскую революцию лишь как прелюдию к мировой революции.*

Владимир Ленин был последователем Карла Маркса в том смысле, что он, как и Маркс, полагал, что социализм можно построить лишь после того, как революция победит в развитых капиталистических странах. Для Ленина Россия была лишь плацдармом, с которого революция должна была начать победоносное шествие и охватить развитые страны.

Большевицкий Проект не оставался неизменным. С момента зарождения до времени превращения его в новый общественный строй в 1930-е годы Проект пережил сложную эволюцию. В 1917 – начале 1918 года он содержал еще много элементов утопии, почерпнутой Лениным у позднего Маркса (отказ от парламентаризма и замена его «республикой Советов», всеобщее вооружение народа, рабочий контроль на производстве). Однако затем в условиях ожесточенной гражданской войны этот Проект трансформировался в мобилизационную модель государства - военного лагеря с огосударствлением собственности, всеобщим принуждением к труду и сверхцентрализованным распределением. Часть большевиков еще тогда пришла к выводу, что модель, названная «военным коммунизмом», на самом деле, и есть практическое воплощение их Проекта. Однако в начале 1920-х годов для окончательного его утверждения на практике у большевиков не было

сил. Поэтому в 1920-е годы они были вынуждены пойти на компромисс и создать социальную коалицию с различными общественными слоями, выступавшими за свободу торговли, но «соглашавшимися» на сохранение однопартийного политического режима в стране.

Социальный компромисс 1920-х годов, допускавший ограниченную частную инициативу в экономике и определенную свободу творчества в искусстве, был временным, переходным явлением. Принципиально важные изменения, оказавшие, возможно, решающее влияние на судьбу большевистского Проекта, произошли в начале этого десятилетия. После поражения Революции 1919 года в Германии и провального похода Красной Армии в Польшу в 1920 году стало понятно, что надежды на мировую революцию не сбылись. Это означало, что строить социализм в России (СССР), стране со средним уровнем промышленного развития и немногочисленным рабочим классом, придется «во враждебном капиталистическом окружении». В таких условиях большевистский Проект неизбежно утрачивал даже теоретическую перспективу демократического развития: он мог развиваться лишь в рамках мобилизационной модели, в которой причудливым образом переплетались элементы модернизации и контр-модернизации, и которая порождала многочисленные противоречия. Не случайно, будучи изначально секулярным и просвещенческим, большевистский Проект в дальнейшем пришел к языческому культу Вождя.

Тем не менее, *несмотря на антидемократическую трансформацию, большевистскому Проекту удалось в течение долгого времени сохранять эгалитаристскую идеологию первых лет революции.* Именно эта идеология помогла ему обрести «второе дыхание» в период хрущевской Оттепели. Ее гуманистическая направленность проявилась в сфере культуры и идеологии, где главной темой стало свободное развитие личности. Однако политический строй и

экономическая система остались неизменными – это предопределило поражение Оттепели.

Идеи Революции 1917 года стали источником вдохновения для политики Перестройки, когда во второй половине 1980-х годов руководством СССР во главе с Михаилом Горбачевым была предпринята попытка создания нового общества – «социализма с человеческим лицом». Однако сопротивление закоренелой общественно-политической и социально-экономической советской системы, сложившейся в предшествующие десятилетия, оказалось настолько сильным, что Перестройка была насильственно прервана.

В современной России наследие Советского проекта по-прежнему является предметом ожесточенных политических дискуссий, особенно, когда речь заходит об утраченном статусе сверхдержавы и о социальных гарантиях, которые имели граждане бывшего СССР и которых лишились современные россияне. И хотя сегодня на политической арене страны нет ни одной значимой силы, которая провозглашала бы своей целью возвращение в советское прошлое, на символическом уровне отношение к революции 1917 года по-прежнему остается и, по всей видимости, еще будет оставаться одним из критериев политической идентификации, линией, разделяющей различные политические силы и приверженцев разных идеологий.

Наследие революции: секуляризация и просвещение

Революция открыла путь к секуляризации общественного сознания и социальной жизни в России. Это было обусловлено тем, что проект социального обновления, который был начат Революцией, имел безусловные просветительские корни. В данном отношении не столь важно, какому именно направлению российского революционного

движения выпало реализовать его на практике. Подобно тому, как жирондисты, и якобинцы, несмотря на все различия между ними и взаимную неприязнь, были детьми Великой французской революции, все русские социалисты на рубеже XIX-XX веков, независимо от степени их умеренности или радикализма, вдохновлялись идеями и духом Просвещения. Все они считали, что историей движут естественные, а не сверхъестественные силы, что исторический процесс происходит не хаотичным, а закономерным образом, что преуспевание человека выступает целью общественного развития, что общественная жизнь связана с поступательным прогрессом, а не с традиционалистским движением по кругу. Несмотря на свою безудержность и радикализм, большевики тоже разделяли все перечисленные постулаты. Это означает, что, *несмотря на несомненные крайности и грандиозные издержки большевистской революции, она развивала в России просвещенческую идеологию.* Десятилетия террора и насилия, насаждаемых тоталитарной системой, в определенной степени, затушевывают это обстоятельство, но не отменяют его полностью. Благодаря революции в отечественной культуре утвердилась парадигма, согласно которой история - не вдохновляемое свыше бесконечное воспроизводство одних и тех же реалий, а продукт сознательных человеческих усилий.

Нигде просветительский этос революции 1917 года не проявил себя ярче, чем в секуляризации российской социальной жизни и общественного сознания. Безбожие коммунистов ужасало противников большевизма; но даже среди них многие не могли не признавать, что закоснелый симбиоз официального православия с монархией

превратился в один из главных пороков российского политического строя дореволюционной поры. Революция была призвана разрешить ряд застарелых задач, с которыми в течение веков так и не смогло справиться российское общество: одной из них было приведение российской жизни к светским и секулярным нормам, без принятия которых невозможна модернизация. Несмотря на уродливые формы, посредством которых секулярные практики утверждались после захвата власти большевиками, революция заложила основу для превращения России в светское государство. Церковь была решительно отделена от государства, сфера образования освободилась от церковной опеки. Для российского общества это был колоссальный шаг вперед, реализующий потенциал свободной мысли и свободного созидания. В стране произошла настоящая мировоззренческая революция: по-видимому, *нигде в мире научное мировоззрение не получало такой поддержки, как в Советской России, поскольку наука считалась универсальным инструментом преодоления любых социальных проблем.*

Революция заставила по-новому взглянуть на исторический путь Русской православной церкви. В послереволюционные годы утвердилось считавшееся ранее маргинальным убеждение нескольких поколений русских революционеров, согласно которым главной причиной распространения неверия и атеизма выступало то, что в царской России церковь превратилась в государственное учреждение, отстаивавшее святость самодержавия и архаичных социальных практик. В отношении к религии Русская революция 1917 года повторила путь Французской революции 1789 года. В этой связи уместно заметить, что в начале XXI века политически поддерживаемая экспансия религии в широкие области

социальной жизни выступает одним из проявлений архаизации российского общества.

Рационализация общественного сознания вылилась в масштабные проекты социального планирования: *утверждение идеологии Просвещения принесло с собой практику целенаправленного, сознательного, рационального конструирования будущего, то есть появилась новая разновидность утопии.* Характерно, что в России утопическое сознание и раньше имело прочные позиции, поскольку традиционная русская крестьянская утопия рисовала картину мира, в котором «сами по себе», воцарятся справедливость и благоденствие. Однако постреволюционный утопизм воздвигался на принципиально ином фундаменте: он генерировал утопию не чувства, а разума, рационально обосновываемую убежденность в том, что мир можно сделать лучше человеческим усилием. Это ощущение давало колоссальный заряд социального творчества. Кроме того, социалистическая утопия была не местнической, а глобальной, и в таком качестве она вписывала Россию в мировую цивилизацию.

В этом смысле роковым для духа революции 1917-го стал отказ от идеи мировой революции и переориентация на строительство социализма в одной отдельно взятой стране. *Локализованная утопия превратилась в предмет государственной инженерии, и стала воплощением не столько свободы, сколько насилия, а Советское государство сосредоточилось на «перековке» человека – задаче, решение которой потребовало насаждения мощной тоталитарной системы.*

Только на излете советской эпохи был краткий период, когда у просвещенческого наследия появился новый шанс. Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х годов, задала новый алгоритм мысли и действия: она вновь напомнила советскому обществу об

общечеловеческих ценностях и глобальном мышлении, под эгидой которых, собственно, и начиналось русское революционное обновление начала XX века. Стремление объединить усилия всего человечества ради разрешения принципиально новых проблем, с которыми столкнулся мир, убежденность в том, что разные общества должны руководствоваться одними и теми же, общечеловеческими ценностями, вера в победу разума над стихией иррационального – эти идеи перестроечной поры возрождали конструктивное начало в наследии Революции. В конечном счете, мысль о том, что мир должен и будет меняться, ибо перемены – в отличие от застоя - есть нормальное, здоровое явление, в равной мере вдохновляла все революционные эпохи: ни 1789-й, ни 1917-й, ни 1985-й не были здесь исключением.

В советской истории революция 1917 года, вдохновлявшаяся Просвещением, сама отступила от просвещенческих идеалов. Но она начала важную духовную работу, позволившую нашему обществу приобщиться к идеям, овладение которыми к тому времени уже стало признаком вхождения в современность. Более того, преодоление большевизма, исторически неизбежное в силу его врожденных пороков, привело российское общество к тому, что вместе с «водой» было выплеснуто и «дитя»: *сравнивая российское настоящее с «коммунистическим» прошлым, можно обнаружить очевидное отступление духа Просвещения.* Нынешнее российское общество становится все более архаичным, обскурантистским, косным. Ему все труднее решать встающие перед ним проблемы, оно пытается двигаться в будущее, постоянно апеллируя к прошлому, а это значит, что общество перестает развиваться. Перед современной Россией встают все новые, еще более острые вызовы, и столетний юбилей революции 1917 года – хороший повод задуматься об ответах на эти вызовы.

Наследие революции 1917 года: эмансипация и социальное творчество

Несмотря на то, что рожденная в результате победы большевиков Система в политическом плане довольно быстро эволюционировала в антидемократическом, репрессивном направлении, революционный импульс Октября способствовал мощному всплеску проектов социального переустройства многих сфер общественной жизни. Они были тесно связаны с подъемом утопических идей, которым сопровождалась революция Нового времени. В то же время воплощение новых идей зачастую оказывалось тесно переплетенным с традиционными практиками.

С одной стороны, Революция инспирировала политическое участие и самоорганизацию, что повлекло за собой появление институтов прямой демократии (комитетов и советов разных уровней). Эти институты, автономия которых, к величайшему сожалению, была крайне недолговременной, тем не менее, создали прецедент массового «публичного употребления разума», если говорить в терминах Мишеля Фуко. *Революция дала возможность говорить от своего собственного лица тем, чей голос никогда прежде не звучал в публичной сфере.*

С другой стороны, большевики эффективно задействовали мощное «семиотическое оружие» централизованной политики для легитимации собственной власти. Это касается не только смены государственной символики (флага, герба и гимна), но и повседневных практик. Старые религиозные ритуалы были трансформированы в новые путем замены знаков. Так, появились октябрины вместо крестин; «красная свадьба», на которой новобрачные садились за стол под портретом Ленина; похоронный обряд, в рамках которого религиозные гимны были

заменены траурными революционными песнями; и «красный календарь», введение которого послужило средством интериоризации революционной темпоральности. Таким образом, *утверждение советской системы изначально базировалось не только и не столько на рациональных принципах, сколько на нерелексивных практиках, многие из которых носили квази-религиозный характер.* Формирование ритуальной системы социализации, подчиненной идеологическим догматам, в совокупности с постепенной централизацией власти в руках партийного аппарата, сделало невозможным автономию индивида как в публичной, так и в частной сферах.

Несмотря на большевистский императив тотального контроля над процессами эмансипации, с самого начала Революции и до конца 1920-х годов во многих сферах имела место стихийная низовая эгалитаризация социальных отношений. Так, вопреки повышенному вниманию большевиков к проблеме «революционной морали», до середины 1920-х годов можно обнаружить множественные примеры манифестации сексуального раскрепощения, гендерного равенства и отказа от «традиционных» форм семейных отношений. Идею гендерного равенства в дизайн одежды приносили такие выдающиеся художники, как Александра Экстер, Владимир Татлин, Александр Родченко.

В 1920-е годы наблюдается существенная демократизация культурных практик. В этом контексте весьма существенным видится антагонизм «богемного» футуризма (с его радикальным отрицанием любых старых форм в искусстве) и Пролеткульта – куда более «консервативного» с точки зрения содержания, но в то же время инновационного по форме явления. Если футуристы будоражили воображение революционной интеллигенции, то Пролеткульт находил бóльший отклик у пролетариата, в особенности в малых городах.

Идеология Пролеткульта заключалась не только и не столько в изобретении принципиально новых средств выражения, сколько в выстраивании равных отношений между участниками творческих коллективов, а также в преодолении границ между артистом и аудиторией.

Одним из наиболее значительных социальных феноменов 1920-х годов представляется коммунизм, выступавший своего рода «лабораторией» революционной жизни. Коммуны не успели стать массовым явлением, несмотря на стремительный рост их числа после окончания Гражданской войны. Распространение коммун было обусловлено стремлением избавить рабочих (в первую очередь, женщин) от гнета бытовых потребностей, высвободив тем самым творческую энергию для самосовершенствования. Несмотря на амбивалентное отношение правительства к подобным формам самоорганизации, до начала 1930-х годов оно позитивно оценивало роль коммун и материально поддерживало их вплоть до конца первой пятилетки.

Вопреки расхожему представлению о безальтернативности траектории развития России после монополизации власти большевиками, история 1920-х годов изобилует примерами многообразия проектов будущего. Так, ожесточенные дебаты относительно новых форм организации жизненного пространства активно велись архитекторами, планировщиками и экономистами вплоть до 1930-го года, когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта».

В частности, радикальную альтернативу центростремительному способу организации социальной жизни в 1929 году предложил социолог Михаил Охитович, автор концепции дезурбанизма. Работавший в коллективе архитекторов-конструктивистов под руководством Моисея Гинзбурга, Охитович отрицал идею дома-коммуны, считая, что

принудительная близость между людьми препятствует полноценному развитию свободной личности. Вместо модели соцгорода, он помещал в центр своего проекта вытянутые вдоль трасс мобильные жилые ячейки, расположенные среди природы и оснащенные сетью обслуживания. «Горизонтальная» концепция Охитовича, построенная на рассредоточении, ускользании от локусов концентрации капитала и власти, продолжает вдохновлять современных архитекторов.

Период сталинского правления, начиная со второй пятилетки, характеризуется нивелировкой многообразия горизонтов будущего, тотальным доминированием центростремительных процессов над центробежными, «вертикальных» отношений над «горизонтальными». Тем не менее, в последующие периоды советской истории обнаруживаются попытки реанимации революционной эстетики 1920-х годов. Советская архитектура, монументальная живопись, скульптура и промышленный дизайн, призванные объективировать утопическое воображение, в конечном счете, превращали советские идеалы - труд, научно-технический прогресс, дружбу народов - в часть повседневности. Благодаря присутствию такого рода «повседневности» в жизни большинства постсоветских городов, пространство бывшего СССР все еще сохраняет признаки общей социетальной культуры.

Так, хрущевский проект массового строительства жилья был не только антиподом сталинской «вертикальной» эстетики, но и своего рода исполнением утопического обещания – обеспечить большинство советских граждан отдельными квартирами. Более того, импликацией советских принципов урбанистического планирования в настоящий период является отсутствие жесткой социальной сегрегации – разграничения городских кварталов по классовому и/или этническому принципам. В условиях массового иммиграционного притока это обстоятельство выгодно отличает постсоветские мегаполисы от

крупнейших городов Западной Европы и Северной Америки. Однако эта часть «советского наследия» видится весьма хрупкой и в настоящий период Россия рискует потерять ее из-за превращения бывших общественных благ в частную собственность, а в самое последнее время - из-за политики массового сноса хрущевек, ведущей к нарушению базовых принципов функционального зонирования городского пространства.

Несмотря на всю противоречивость, опыт революции нельзя свести исключительно к его деструктивной составляющей. Игнорирование низового запроса на социальную справедливость в самых разных сферах, шедшего из толщи массовых слоев, который явился одним из фундаментальных причин революции 1917 года, существенно обедняет анализ ее причин и результатов. . Отказ от понимания глубинных социально-политических и культурных факторов, породивших революцию 1917 года, в предельном виде оборачивается многочисленными конспирологическими заблуждениями. Из-за такого игнорирования революция зачастую интерпретируется как заговор экстремистских сил, преследовавших эгоистические цели и к тому же опиравшихся на солидную поддержку извне.

Подлинная трагедия революции заключалась в том, что большинство рожденных ею проектов будущего были, в конечном счете, исключены из общественной жизни. Имманентное большевистскому управленческому мышлению неверие в потенциал самоорганизации общества и порожденное им засилье дисциплинарных техник не только превратили революционные утопии в антиутопию сталинской эпохи, но и продолжают воспроизводиться в нынешних административных практиках.

Наряду с этим, революционный утопизм первой четверти XX века является важным наследием русской интеллектуальной жизни века XIX с

присущими ей идеалами альтруизма и стремлением к освобождению от любых форм морального унижения. Полностью уничтожить это наследие не удалось даже сталинской репрессивной машине и именно оно порождало надежды на обновление сначала в период Оттепели, а затем – Перестройки. Это наследие остается точкой отсчета и для тех, кто в настоящее время ищет альтернативные формы воображения будущего, обращаясь к истории советских 1920-х годов.

Наследие революции 1917 года: влияние на мир

Русская революция 1917 года явилась следствием не только внутренних, но и внешних факторов. Поэтому кризис и крах царской России правомерно рассматривать в ряду аналогичных процессов, одновременно затронувших все континентальные империи европейской Периферии. В то же время Русская революция оставила неизгладимый след в истории XX века, оказав огромное влияние на судьбы цивилизации.

Революция, в значительной мере, предопределила развитие основных тенденций в международной политике, мощно повлияв на эволюцию мирового порядка. Рожденные ею идеи, социальные, политические и культурные практики оказали разноплановое влияние, причем как на развитые государства, составлявшие ядро мирового капитализма, так и на страны мировой Периферии. Поэтому правомерно называть Русскую революцию событием всемирно-исторического значения.

К началу XX века Российская империя занимала двойственное положение в системе мирового порядка. С одной стороны, будучи государством, отличавшимся максимальной степенью абсолютизма, сильными феодальными пережитками в аграрном секторе экономики,

социальных отношениях и системе права, она в то же время в течение длительного периода демонстрировала удивительную устойчивость как оплот «старого порядка» Европы. С другой стороны, увеличивающийся разрыв с новым европейским мейнстримом, связанный с переходом от абсолютистской модели к либеральным демократиям, недостаточный уровень промышленного и социально-экономического развития по критериям новой, неуклонно развивавшейся системы, демонстрировали все большую отсталость и, как следствие, дефицит могущества Российской империи. Она сама постепенно становилась объектом экспансии капиталов из более развитых стран Европы и США, в результате чего усилилась финансово-экономическая зависимость России от государств ядра мирового капитализма.

Возникло глубокое противоречие между стремлением продолжать территориальную экспансию, которое поддерживали имперские, военно-феодальные структуры, и дефицитом ресурсов, необходимых для этого. По сравнению с развитыми державами, Россия не обладала достаточным финансовым капиталом, технологиями, передовыми социальными идеями, необходимыми для обеспечения конкурентных преимуществ в мировой политике и экономике. Поражение России в Русско-японской войне 1904-1905 годов и провал проекта колониального освоения Северо-Востока Китая (известного под наименованием «Желтороссия»), отчетливо показали пределы имперской политики.

Столкнувшись к началу XX века с нарастанием геополитической напряженности сразу в трех регионах своих стратегических интересов по периметру границ Империи – на Балканах, в Средней Азии, и на Дальнем Востоке, Россия остро нуждалась в союзниках. Но империя могла предложить им в качестве своего вклада лишь сырье и человеческие ресурсы - миллионы одетых в солдатские шинели крестьян-подданных. Это заранее обрекало Россию на подчиненную роль младшего партнера

внутри любой военно-политической коалиции.

Вместе с тем есть основания полагать, что на окончательный выбор России повлияли не только и не столько геополитические факторы. Сама логика системы международных отношений, которая складывалась в условиях развития глобального капитализма, где Россия занимала место европейской Периферии, накануне Первой мировой войны подталкивала империю Романовых к выбору в пользу атлантических партнеров, который, в конечном итоге, стоил ей существования. Таможенные войны с Германией из-за хлебной торговли, как и потребность в займах и концессиях, предоставляемых, в первую очередь, Францией и Англией, вели Россию к союзу с «Антантой» жестче, чем мечты о Константинополе, турецких проливах и прочих территориальных притязаниях.

Однако ирония истории состояла в том, что, даже присоединившись к коалиции будущих победителей, Российская империя свою войну проиграла. В этом плане ее постигла участь тех континентальных держав, с которыми она воевала. Австро-Венгрия и Османская Порта распались, не оставив следа на карте мира. Германский «Второй рейх», понеся болезненные и унижительные потери, оказался неспособным реализовать собственную гегемонистскую доктрину «срединной Европы». Крушение петербургской империи Романовых, произошедшее на фоне Первой мировой войны, легко встраивается в этот ряд.

Если сравнить внутренние структуры, то монархия Романовых была значительно ближе к Константинополю, чем к Берлину или Вене. Обеспечив себе роль «пушечного мяса» в сражениях 1915-го и 1916 годов, Россия выпала из коалиции из-за слабости и неразвитости собственного государства. Политическая система, далекая от принципов открытости, равенства и состязательности, лишенная сильных гражданских институтов, накрепко связанная с одряхлевшей и

неспособной к эволюционным переменам абсолютистской монархией, дала сбой в самый неподходящий для этого момент. Это обернулось не только военной неудачей, но коллапсом всей структуры, сформированной и функционировавшей на протяжении двух предшествующих столетий.

Революция 1917 года явилась не только следствием военно-политического и международного фиаско монархии Романовых, но и попыткой ответа на внешнеполитические проблемы, которые та не могла решить. Одной из заслуг Революции стало то, что, пожалуй, впервые в мировой истории состояние мира между странами и народами оказалось признанным в качестве общего блага. Это было артикулировано как демократическое требование на национальном уровне и зафиксировано в Конституции нового, рожденного Революцией государства. Мир как главная цель и ценность политики – едва ли не важнейший урок 1917 года в России.

Ловушка победившего в Октябре большевизма состояла, однако, в том, что мир как надежда и мольба российских крестьянских масс, равно как и весь большевистский Проект строительства коммунизма, не могли осуществиться в свете тех стратегических целей, которые были провозглашены новой властью. Вождевленный «вечный мир», в ленинском понимании, мог быть установлен только в результате уничтожения капитализма как мировой системы. Иначе говоря – на руинах той цивилизации, которая к началу XX века уже достигла глобальных масштабов и которой поспешили бросить вызов русские радикальные марксисты. Коммунистическое общество также не могло быть построено в отдельной стране, выпавшей из системы мирового капитализма.

Достижение этих целей неизбежно предполагало большую войну. Не случайно сразу после захвата власти они стали активно распространять

новый политический порядок на всю территорию бывшей Российской империи, видя в этом прообраз будущей всемирной республики Советов. Однако попытка продвинуть большевистский Проект в страны Европы потерпела провал уже в 1919-1920 годах. Сторонники Ленина оказались перед неизбежным выбором строительства социализма «в одной отдельно взятой стране», не обладавшей для этого необходимыми экономическими, человеческими, технологическими и культурными ресурсами и испытывавшей дефицит развития. Это предопределило закрепление в общественно-политической жизни архаичных авторитарных форм власти, засилье бюрократии, широкое распространение насилия в качестве главного инструмента регулирования общественных отношений. В новых условиях эти формы приняли еще более жесткий и репрессивный характер, чем в царской России.

Тот же выбор обусловил состояние перманентной ожесточенной войны, в которую вступила Россия, а позднее Советский Союз, с остальным миром, воспринимавшимся как «враждебное капиталистическое окружение». Война с внешним миром, на которую, фактически, обрекла себя Россия, предполагала выстраивание не только нового государства под водительством партии-суверена, но и всех сопутствующих ему особых цивилизационных стандартов и институтов. Государство диктатуры пролетариата, придя на смену царской империи и заняв свое особое место в мире, окончательно превратило русского крестьянина в «человека с ружьем», воина и стража глобальной утопии, наделенного национальной миссией сражаться и сокрушать врагов коммунизма во имя будущего интернационального мира.

В международном контексте Русская революция выглядит одной из наиболее успешных и впечатляющих попыток ответа на вызов глобального капитализма для стран мировой Периферии.

Однако этот ответ, в конечном итоге, привел не к сокрушению господствующей мировой системы, а к периферийному встраиванию в нее на условиях особой стороны, сохраняющей изрядную долю внутренней автономии. Как следствие, это предполагало жесткие внутренние ограничения для проникновения финансового капитала, свободной торговли, а также всех тех стандартов, которые были выработаны цивилизацией капитализма, включая свободы и политические институты западной либеральной демократии.

Уникальное сочетание национальной и универсалистской заряженности, тем не менее, с самого начала не позволило Русской революции выйти за пределы основной территории бывшей Российской империи. Возможность или, по крайней мере, иллюзия альтернативы глобальному капитализму сохранилась еще на несколько последующих десятилетий после провала в 1920-е годы надежд на мировую революцию. Более того, они даже укрепились после Второй мировой войны и создания мировой социалистической системы, которая, постепенно расширяясь за счет бывших колониальных и полуколониальных стран, как тогда казалось, могла стать реальной альтернативой мировому капитализму.

Возникновение биполярного мирового порядка во главе с СССР и США, который имел четкую идеологическую окраску, укрепляло такие надежды. Этому способствовали начавшиеся в 1950-1960-х годах в восточноевропейских социалистических странах и в СССР поиски модели «социализма с человеческим лицом». Однако к середине 1960-х годов Советский Союз уже превратился в закоряченную и забюрократизированную систему, отвергавшую любые попытки изменений, давно утратившую качества радикального (большевистского) модернизационного проекта. Советская бюрократия, как ранее бюрократия царская, предпочитала переменам примитивное

охранительство. Поэтому попытки реформирования социалистического проекта, прежде всего, в Чехословакии (1968 год) и Польше (1980 год), были жестко пресечены.

В то же время нельзя не отметить то позитивное влияние, которое Советский проект на протяжении XX века оказывал на судьбы остального мира. Он подталкивал развитые страны к осуществлению масштабных социальных реформ, тем самым внося заметный вклад в формирование модели «социального государства», в котором безработица находится на стабильно низком уровне, обеспечивается высокий уровень жизни для большинства населения и гарантирована защита прав граждан. В течение длительного времени способность развитых стран Запада проводить социальные реформы в интересах большинства населения была для них вопросом выживания в соревновании с Советским проектом.

Вплоть до 1970-х годов Советский Проект был ориентиром для стран третьего мира, стремившихся провести индустриальную модернизацию. В этот период освободившиеся от колониального гнета государства, взявшие курс на строительство социализма, нередко обгоняли в темпах экономического развития страны, выбравшие капиталистическую модель развития.

Однако со второй половины 70-х годов стало очевидно, что потенциал развития советского Проекта исчерпан, что он не выдерживает конкуренции с западным капитализмом. В последние два десятилетия XX века происходил стремительный уход от советской версии социализма. Политика Перестройки, инициированная Михаилом Горбачевым, вначале базировалась на идеях возврата к идеалам Октябрьской революции. Но уже к 1990 году Перестройка была направлена на глубокую трансформацию Советского Проекта и переход на универсальный путь развития. Исходя из этого, можно говорить о том,

что влияние наследия Русской Революции на мир все более ослабевало.

Постсоветская Россия играет существенную роль в современном глобальном мире, но эта ее роль сохранится в будущем в том случае, если возникнет новый импульс для собственного, внутреннего развития страны. За последние сто лет, прошедших с 1917 года, неотложные задачи российского развития не утратили своей актуальности: среди них демократизация и модернизация, преодоление имперского наследия и, наконец, возвращение универсального и вневременного наследия Русской революции, заключающегося в признании мира, свободы и равенства стран и народов как высшей ценности и цели международной политики.

Революция как «точка сборки» для политического курса

На протяжении советской эпохи было принято говорить о двух революциях 1917 года - Февральской, которая была по своему содержанию буржуазно-демократической, и Октябрьской, «пролетарской», открывшей путь строительства социализма. *Центром официального советского дискурса выступал Октябрь 1917-го, вокруг событий которого был создан миф о рождении новой исторической общности - советского народа - из пламени Великой Октябрьской социалистической революции.* В отечественной истории XX века ей пришлось дважды выступить в роли «точки сборки», или легитимации нового политического курса.

Первый раз это произошло в годы хрущевской Оттепели, когда новое руководство СССР решилось на первую осторожную попытку либерализации, отталкиваясь от критики Сталина, обвиненного в искажении идеалов Октября. Хотя критика Сталина и, особенно, сталинизма носила ограниченный, выборочный характер и касалась в

основном массовых репрессий, чрезмерной централизации и бюрократизации общественной жизни, обращение к Октябрю 1917 года стало в ней отправным пунктом. Образ «комиссаров в пыльных шлемах» являлся в то время едва ли не главным критерием художественной правды и морального авторитета.

Второй раз революция 1917 года стала источником легитимности в начале политики Перестройки, которая ставила целью создание социализма «с человеческим лицом», при котором будут созданы широкие возможности для творческой самореализации индивидов. Политика Перестройки исходила из того, что Октябрьская Революция обладала гуманистическим потенциалом, искаженным и деформированным в последующие периоды жизни страны. Поначалу смысл этой политики виделся инициаторам Перестройки в том, чтобы очистить социальные и политические основы социалистического строя от искажений и деформаций и тем самым освободить созидательную энергию советского народа. В дальнейшем идеология Перестройки эволюционировала в направлении планетарных, общечеловеческих ценностей, и значимость в ней Революции 1917 года заметно уменьшилась.

В постсоветской России отношение к Революции 1917 года заметно изменилось по сравнению с предыдущей эпохой и впоследствии продолжало эволюционировать. В 1990-е годы, когда в политике страны доминировал курс на радикальные рыночные и демократические реформы и сближение с Западом, в официальном дискурсе произошло еще более жесткое, чем в советский период, разделение Русской революции на Февральскую и Октябрьскую. Если Февральская революция в течение этого десятилетия рассматривалась как источник рождения новой, демократической России, то Октябрьская революция на официальном уровне и в публичном мейнстриме воспринималась резко

отрицательно - как событие, толкнувшее Россию на тупиковый путь развития, стоивший десятков миллионов жертв. *В ходе острой политической борьбы 1990-х годов*, разделившей общество на сторонников продолжения радикальных реформ, и тех, кто хотел бы сохранения прежнего социалистического строя, *идейное наследие Октября фактически оказалось монополизировано советскими консерваторами, ядро которых составили сторонники Сталина.* Такая конфигурация в немалой степени способствовала закреплению в сознании большей части образованного населения негативного восприятия Октябрьской революции как события, затормозившего развитие России, сбросившего ее с магистрального пути развития человеческой цивилизации.

В начале нового столетия в связи с внутривнутриполитическими изменениями в России, возобладавшем политическим курсом на сохранение status quo, отношение к революционным событиям 1917 года на официальном уровне снова стало меняться. Так, резко изменилась оценка Февраля. Из источника рождения демократической России Февральская революция превратилась в точку слома тысячелетней Российской государственности. По отношению к Октябрю сформировалось более сложное восприятие. С одной стороны, признается, что он продолжил слом того, что еще оставалось от прежней России, и в этом плане Октябрь развивал линию, начатую Февралем. Не случайно именно в 2000-е годы в общественно-политическом дискурсе закрепляется представление о революционных событиях 1917 года как о единой Русской революции, которая уничтожила старую Россию и положила начало строительству Советского государства. Положительная оценка этого факта для правящих постсоветских элит была бы равнозначна подрыву собственной легитимности. В то же время именно в советскую эпоху Россия стала одной из двух сверхдержав, обладающей

сильным и централизованным государством. Поэтому *отношение к Октябрю 1917 года правящих элит, взявших курс на возрождение имперского величия страны, не могло быть однозначно негативным.*

Что же касается общественных оценок, то перемены в официальном дискурсе их никак не затронули. Позитивное отношение к Февральской революции по-прежнему распространено в основном в либеральных кругах, к Октябрьской революции – главным образом, среди тех, кто в той или иной степени разделяет сталинистские взгляды, но также среди интеллигенции, придерживающейся левых, социал-демократических или марксистских взглядов.

В значительной степени, негативное отношение большей части современной российской интеллигенции к идейному наследию Октября обусловлено кризисом традиционной левой идеи в мире. Между тем, модель социально -либерального капитализма, которая еще недавно воспринималась как венец социального развития, сегодня тоже находится в глубоком кризисе, у нее отсутствует реальная альтернатива. Левые концепции, бывшие популярными в XX века, утратили эффективность и привлекательность, а новые социально- политические проекты находятся в стадии формирования.

Вместо резюме

Большевистский проект переустройства страны изначально носил глобальный характер, но с точки зрения исторических итогов он оказался ограниченным и неполным. Он так и не вышел за рамки общей колеи попыток обновления России на принципах «просвещенного авторитаризма» с последующими «контрреформами», которые имели место как до, так и после 1917 года.

Главным вызовом Русской революции стала, таким образом, не просто реакция, но угроза архаизации, практически неизбежной на волне разрушительного восстания непросвещенных масс. Исторической победой в этих условиях стало само сохранение страны с последующим выходом на прорывное развитие, обеспечившее переход к индустриальному урбанизированному типу общества.

Историческое поражение Русской революции 1917 года было обусловлено крайней слабостью демократической альтернативы для России. Последующее перерождение большевизма в сталинизм стало катастрофой для идеологии и практики демократического социализма, идеи которого достаточно громко прозвучали в ходе революции, но оказались растоптаны и потеряны в результате сильнеешего раскола общества и последствий Гражданской войны.

Вместе с тем, идеи свободы и равенства, порожденные революцией 1917 года, способствовали появлению различных социальных и художественных утопий, закреплению гуманистических начал в лучших произведениях советской литературы и искусства. Они внесли заметный вклад в культурное развитие человеческой цивилизации на протяжении всего XX века. Их значимость сохраняется по сей день.

Идеи, выдвинутые Русской революцией, оказали заметное влияние на трансформацию глобального капитализма в XX веке, но реальной альтернативой ему и созданной им системе «мировой социализм» так и не стал. К началу нынешнего столетия преобразовательный потенциал Русской революции оказался исчерпанным. Возможно, новые левые, которые, судя по всему, в ближайшие годы снова окажутся востребованными в развитых странах, вновь обратятся к опыту и идеям Русской революции 1917 года. Вместе с тем, в социально-политических проектах переустройства общества на базе левых идей упор делается на развитие самоуправления и самоорганизации населения,

децентрализацию управления и смещение его на низовые «этажи» политической системы. То есть, на все то, что так и не получило развития в Советском проекте, истоком которого была Революция 1917 года.

Двойственность Русской революции заключалась в несовпадении целей, которые она провозглашала, и ожиданий, которые она породила, с реальными возможностями развития, имевшимися в России начала XX века. Это трагическое несоответствие предопределило последующий характер развития страны вплоть до наших дней.

Для сегодняшних поколений важнейший урок столетия Русской революции состоит в необходимости переосмысления, и, фактически, нового открытия идей и ценностей Просвещения, для России и всего мира. На фоне исторических побед и неудач российский интеллектуальный класс обязан помнить о нереализованной исторической задаче – необходимости построения современного общества, основанного на принципах права, гражданского самоуправления, социальной справедливости, общечеловеческих ценностях и политике мира.